

Tošenovský, Ludvík

К основным вопросам теории истины : резюме

In: Tošenovský, Ludvík. *Příspěvky k základním otázkám teorie pravdy*.
Vyd. 1. V Praze: Státní pedagogické nakladatelství, 1962, pp. 220-236

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/119322>

Access Date: 16. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ЛЮДВИК ТОШЕНОВСКИЙ

К ОСНОВНЫМ ВОПРОСАМ ТЕОРИИ ИСТИНЫ

РЕЗЮМЕ

В настоящей работе автор пытается решить только одну частную проблему в каждом из пяти основных вопросов теории истины и посредством решения этой проблемы он хочет косвенно также способствовать продвижению вперед соответствующих основных вопросов.

При выполнении поставленной таким образом задачи учитывается единство единичного анализируемых проблем и общего (теории истины в целом в ее взаимосвязи не только с остальными областями гносеологии, но и со всей научной философией и с некоторыми другими областями знания и практической деятельности). Какое-то связующее звено при этом представляет собой частное, т. е. отдельные основные проблемы теории истины.

Отбор анализируемых проблем не оставлен на произвол случая. Из каждого вопроса была взята такая проблема, решение которой делает, хотя бы частично, возможным удовлетворить какую-нибудь необходимую потребность развития нашей философии и иногда — обычно не прямо — также какую-нибудь потребность развития современного общества или науки.

I. О ТАК НАЗЫВАЕМОЙ СУБЪЕКТИВНОЙ И ЛИЧНОЙ ИСТИНЕ (К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТИВНОСТИ ИСТИНЫ)

Необходимо отличать объективность материальной действительности от объективности истины, истинных познаний. Последняя же в отличие от первой не только не исключает, а даже предполагает определенную субъективность. Критический анализ взглядов на вопрос о так называемой субъективной и личной истине в той части немарксистской философии, которая односторонне гиперболизировала субъективность истины, может помочь, хотя бы частично, решить и некоторые важные проблемы марксистско-ленинской философии, прежде всего, вопрос о субъективности истины.

1. О методе анализа проблемы

Историко-философский анализ данной проблемы потребовал бы много усилий и места. Гораздо более пригодным методом ее анализа является преимущественно трансэунтная критика относящихся сюда взглядов Иозефа Тврдого, который много занимался проблематикой субъективной и личной истины.

Критика может обладать преимущественно трансэунтным характером, прежде всего, потому, что речь идет о философе, который писал свои труды в 20—30—е годы нашего века, т. е. уже в то время, когда в его распоряжении были все философские произведения классиков марксизма-ленинизма. Трансэунтный характер критики неизбежен, поскольку в трудах Иозефа Тврдого содержится немало выпадов против марксизма и Ленина и против Советского Союза.

2. О главных чертах теории истины Иозефа Тврдого

Наряду с некоторыми положительными сторонами (они заключаются, главным образом, в удачно проведенной критике объективно-идеалистических концепций и в критике многих других концепций истины), находим в теории истинного познания, которую можно извлечь из теоретико-познавательных трудов Иозефа Тврдого, много серьезных ошибок, заблуждений, недостатков.

Иозеф Тврдый исповедует, прежде всего, теорию знаков. Теории отражения он или не знает, или ее отождествляет с механическо-материалистически рассматриваемой теорией отображения. Он довольно хорошо сумел отличить недостатки этой теории отображения. Поэтому он считает приемлемой только теорию знаков.¹⁾

Тврдый рассматривает общество в его отношении к истине идеалистически. Совершенно антидиалектически он ставит непреодолимую грань между одиночкой-гением и всем обществом.

Из первого ответа Иозефа Тврдого на вопрос, какие качества должно иметь отношение для того, чтобы его назвать истиной, вытекает, что Тврдый

¹⁾ Несмотря на убедительную ленинскую критику теории символов Гельмгольца и теории иероглифов Плеханова (обе они являются разновидностями теории знаков, также как теория шифров Ясперса) предпринял у нас недавно Войтех Тлустый совершенно лишнюю и вредную попытку примирить теорию отражения с теорией знаков. (См. *Otázky theorie poznání*, SNPL 1957, str. 42—76, и критику этой попытки Л. Тошеновским: *Na cestě za pravdou v gnoseologii*, *Sborník prací FFBU*, 1958, G, № 2, стр. 70—72).

Модификация первоначального семантического треугольника обозначений, сделанная Вейнбергером, не совсем лишена влияния теории знаков (ср. О. Зих и коллектив, *Moderní logika*, MME 7, Orbis, Praha 1958, стр. 19).

односторонне гиперболизирует »субъективную уверенность, исходящую... из веры« (belief), т. е. одну субъективную сторону истины. Такой ответ является выразительным проявлением его субъективизма, также как и два других ответа на тот же вопрос. Из них вытекает, что Тврдый также »объективную« истину понимает с позиций субъективизма.²⁾

Иозеф Тврдый переоценивает относительность истины. Это проявляется в том, что он отрицает любую абсолютную истину. С другой стороны, для него приемлемо понятие »абсолют« как »смежное понятие, если критически осознать границы... познания«.³⁾

Из этих формулировок очевидна зависимость Тврдного от идеалистических моментов философии Канта.

Эти заблуждения являются главной причиной того, что Тврдый не только оперирует понятием »субъективная истина« и своим специфически понимаемым понятием »личная истина«, а также того, что он им уделяет в некоторых своих работах такое большое внимание.

3. О понимании Тврдым субъективной и личной истины

По мнению Иозефа Тврдного, для субъективной истины характерны, с одной стороны, сильная вера в эту истину, уверенность и прочная убежденность в ней, с другой стороны — ее активность, ее связь с действиями. В сущности то же самое относится и к личной истине, как ее понимал Иозеф Тврдый; она, конечно, имеет, на его взгляд, сверх того еще и некоторые другие черты.

В своей попытке классифицировать все типы теории истины он включает учение о личной истине в число теорий, отпавляющихся от субъективных критериев. Из анализа этой попытки одновременно вытекает, что Иозеф Тврдый никогда не понимал марксистско-ленинской концепции истины.

4. О некоторых других чертах концепции истины Тврдного

Личная истина, на взгляд Иозефа Тврдного, сверх того отличается еще и тем, что является проявлением личного героизма, что она доступна выдающимся индивидам, гениям и что она не нуждается в кропотливом исследовании деталей.

Марксистский анализ концепции субъективной и личной истины Тврдного неизбежно должен вылиться в установление, что ни субъективная, ни рассу-

²⁾ Ср. Иозеф Тврдый, *Teorie pravdy*, Sborník filosofické fakulty university Komenského v Bratislavě, год VI (1929), № 51 (2) абзац 14 (а также 13), стр. 31—32 (15—16).

³⁾ Там же, стр. 115 (99).

триваемая таким образом личная истина не существуют. Совершенно неизбежным условием любой истины является ее объективность, т. е. продвижение, направленность нашего познания к познаваемой объективной действительности. Если »познание« таким продвижением не отмечается, если для него, наоборот, характерно движение по направлению к фантазиям, ко все более выразительному перевесу субъективных сторон, то речь не может идти и не идет ни о какой истине, даже не субъективной, а речь идет о ложности.

И личная истина, которая обладала бы только чертами, о которых пишет Иозеф Тврдый, не может быть истиной, потому что основной чертой каждой истины, следовательно, условием „sine qua non“ должна быть также и, прежде всего, ее объективность. Если понятие субъективной истины не приемлемо для гносеологии диалектического материализма, то выражение »личная истина« можно допустить, но для обозначения чего-то совершенно другого, чем для понятия личной истины, встречаемого у Иозефа Тврдого. Мы можем допустить его как частную характеристику истины тех личностей, которые борются за нее, как за подлинную объективную истину, находясь в полной изоляции или почти в полном одиночестве со своей истиной (напр., некоторые борцы за современное научное мировоззрение, некоторые пионеры социализма, хотя бы в недолгих периодах жизни и т. п.). Если мы хотим подчеркнуть эту характерную черту такой истины, то мы ее можем в этом и только в этом смысле называть личной истиной.

Но так Тврдый личную истину не понимал. Это наилучше доказывает тот факт, что он Ленина считает сторонником теории личной истины, а ленинскую истину, истину ленинизма он обозначает личной истиной, а именно исключительно потому, что он в них находит те черты, о которых он думает, что они полностью характеризуют личную истину. То обстоятельство, что Иозеф Тврдый оскорбительно сравнивает Ленина с Муссолини и чернит Советский Союз, вытекало из того, что ему не удалось разбить крепкий панцырь, в котором он был заключен политической атмосферой, окружавшей большинство профессоров высших учебных заведений буржуазной Чехословакии. Некоторые позитивные черты его философии были, наоборот, отражением общей передовой тенденции рядового честного чешского трудящегося человека, которым Тврдый, несмотря на все свои заблуждения, бесспорно был. Тврдый погиб в нацистском концентрационном лагере во время второй мировой войны.

П. О ВОЗНИКНОВЕНИИ И РАЗВИТИИ ПОНИМАНИЯ ПРАКТИКИ
КАК КРИТЕРИЯ ИСТИНЫ
(К ВОПРОСУ О ПРАКТИКЕ В ФУНКЦИИ КРИТЕРИЯ ИСТИНЫ)

Речь идет о двух задачах, которые в настоящем разделе, посвященном вопросу о практике в функции критерия истины, взаимно переплетаются: а) дать обзор развития ростков понимания практики как критерия истины в узловых пунктах развития домарксистской теории познания, а, главным образом, обзор возникновения и развития этой концепции в произведениях классиков марксизма-ленинизма — все это на фоне обзорной и краткой критики немарксистских концепций критерия истины; б) попытаться разрешить те частные проблемы вопроса практики в функции пробного камня истины, которые этого неизбежно требуют.

1. О ростках понимания практики как критерия истины в узловых пунктах развития домарксистской теории познания

Верный ответ на вопрос, кто открыл практику как критерий истины, служит защитой принципиальному отличию научной философии от всех немарксистских философских систем.

Проявлением недопустимого стирания качественного отличия между нашей и домарксистской философией является создание впечатления, как будто бы практику, в единстве всех ее трех основных типов (общественного производства, революционной деятельности и научного эксперимента), рассматриваемую как вмешательство в материальную действительность с целью вызвать в действительности изменения в интересах человека — практику, рассматриваемую в такой концепции, кто-нибудь до Маркса и Энгельса считал критерием истины.⁴⁾

С другой стороны, верно, что у некоторых домарксистских мыслителей (у тех, кто эксперимент считал критерием истины, дальше у Вико и Гегеля; на то, что у Гегеля это было именно так, обращал внимание еще Ленин) мы находим относительно выразительные ростки понимания практики как критерия истины.

У многих других домарксистских философов эти ростки гораздо менее выразительны и скорее проблематичны; с точки зрения учения о непосредственной и опосредствованной форме практики как критерия истины,⁵⁾ речь

⁴⁾ Такое впечатление может возникнуть при чтении статей Ярослава Кудрны: K historické charakteristice Vicoovy metodologie a ontologie, Fil. časopis, CSAV, 1957, № 1 и O významu Hegelova pojetí činnosti pro základní problematiku jeho filosofie, Fil. čas., CSAV, 1959, № 4.

⁵⁾ Под «непосредственной практикой» мы понимаем, собственно говоря, то же самое, что и под «практикой». Оборот «опосредствованная форма практики» только подчеркивает тот

идет в сущности о том, что многие домарксистские мыслители возводят в критерий истины или чувственное познание и его стороны, или рациональное познание и его стороны или элементы. Они временно способны с большим или меньшим успехом заменять единственно подлинный критерий — непосредственную практику, потому что в данном случае, собственно говоря, всегда идет речь о рационально или эмпирически опосредствованной форме практики. Подлинная же практика в них так или иначе содержится, она в них включена.

Концепцию практики как критерия истины, а именно практики, как ее понимаем мы в научной философии, открыли только основоположники марксизма.

2. Маркс и Энгельс о практике как о критерии истины

Маркс и Энгельс впервые в истории философского мышления подразумевали под понятием практики также революционную политическую деятельность. Наиболее важным типом практики они считали общественное производство (промышленность).

При этом они в своих трудах (Маркс в «Тезисах о Фейербахе», Энгельс в работе «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии», в предисловии к английскому изданию работы «Развитие научного социализма» и в других местах своих произведений) подчеркивали всегда те основные формы практики или те стороны вопроса о практике как критерия истины, которые на данном этапе общественного развития и развития науки выступали на передний план. Например, Маркс в 40-е годы подчеркивал «революционно-критическую» деятельность потому, что ситуация была революционной, и потому, что это было то новое в его понимании практики как критерия истины, и Энгельс в период размаха промышленного производства в Германии и развития наук в середине второй половины прошлого века подчеркивал, главным образом, «эксперимент и промышленность». Но не может быть сомнения в том, что все три основных типа практики они рассматривали в диалектическом единстве. Это единство было диалектическим именно потому, что не исключало, а делало возможной и в определенном смысле также предполагало относительную самостоятельность отдельных основных типов и подчеркивание любого из них в условиях, требовавших этого.

факт, что в рациональном и чувственном познании, в разных их сторонах и элементах, которыми мы иногда довольствуемся или пока должны довольствоваться, как какими-то недостаточными, но временно удовлетворительными заместителями непосредственной практики в ее функции критерия истины, практика налицо только косвенно, опосредствованно.

Маркс в «Тезисах о Фейербахе» и вместе с Энгельсом также в «Немецкой идеологии» несколько раз пишет о «чувственной деятельности». Необходимо решительно отвергнуть попытки усматривать в таком и в других подобных оборотах проявление эмпириристической и даже позитивистской направленности марксистской философии.⁶⁾

Этим оборотом Маркс хотел подчеркнуть, что он имеет в виду настоящую материальную деятельность, подлинную непосредственную практику. Он мог сделать так потому, что практическая деятельность находится, подобно как и чувственное созерцание, в непосредственном «общении» с материальной действительностью.

Когда Энгельс в «Людвиге Фейербахе...» приводит в качестве примера открытие Галле Нептуна в результате астрономических наблюдений (проведенных на основании вычислений, сделанных до него Леверрье, параметров движения этой планеты) и когда Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» подчеркивает, что в практику необходимо включить астрономические наблюдения, то они оба в данном случае имели в виду специфический тип эмпирической опосредствованной формы практики. Ни Энгельс, ни Ленин не могли считать, что в случае любого чувственного наблюдения, не исключая астрономические наблюдения, речь идет о форме непосредственной практики. Поскольку некоторые марксистские философы не учитывают этого, то у них получается неправомерное расширение содержания категории практики, включая чувственно-познавательную деятельность. Исходя из единства практики и теоретического познания (это единство они, конечно, понимают метафизически), они совершенно ошибочно стирают качественное отличие, определенный вид противоречия между ними. Но единство практики и теоретического познания является единством в различии, единством диалектическим, в котором практика представляет главную сторону упомянутого нами противоречия. Маркс и Энгельс заложили прочный фундамент учения о практике в ее функции критерия истины и, таким образом, создали все самые необходимые предпосылки дальнейшего успешного развития этого учения.

3. О ленинском этапе в развитии понимания практики как критерия истины

П начале нашего века в ситуации, характеризующейся своеобразием в развитии общества и науки, было необходимо — также в интересах углубления аргументации против релятивистических взглядов эмпириокритицистов, прагматистов и конвенционалистов — показать, что практика как пробный

⁶⁾ Ср. Н. В. Acton, *The Illusion of the Epoch*, London, Cohen & West Ltd, 1955, стр. 35—50, прежде всего стр. 46—50, особенно стр. 50.

камень истинности теории и познания вообще бывает не только определенной, имеет не только абсолютный характер, но бывает также неопределенной, что имеет также относительный характер. Учение об определенности и неопределенности практики в функции критерия истины представляет главный вклад Ленина в развитие анализируемого вопроса.

Упомянутый нами абсолютный характер практики заключается в том, что создает защиту от идеализма и агностицизма, конкретно так, что успешно доказывает абсолютность и относительность истины и что является единственным критерием истины. Практика как критерий относительных моментов истины, которые в истине бесспорно присутствуют, и как пробный камень, чувствительно реагирующий на изменение условий в материальной действительности и предупреждающий о неистинности устаревших познаний об этой изменившейся действительности, обладает большой определенностью, абсолютностью. Авторы, которые в этих ее качествах усматривают неопределенность, ее характер относительности, ошибаются.⁷⁾

Тезис о практике как единственном критерии истины убедителен только в том случае, если его рассматривать в свете учения о непосредственной и опосредствованной форме практики в функции критерия истины.

Неопределенность, релятивный характер практики как критерия истины заключается в том, что практика не в состоянии без остатка доказать истинность познаний. Она конкретно заключается в том, что один акт или небольшое число актов проверки или проверка только одним ее типом, хотя и основным, не совсем полна и что сама практика, рассматриваемая как процесс на каждой степени своего развития исторически обусловлена. Наконец, она заключается в том, что она »не умеет« предупредить о том, что познание не полно, если, хотя и невольно, выполнено неизвестное, в познании и пока не сформулированное условие.⁸⁾

Существует большое количество важных, хотя и частных проблем, которые привлекают большое внимание марксистских теоретиков в настоящий период этапа развития научной философии. Наиболее важной из них является проблема сущности и характера эксперимента как типа практики.⁹⁾

⁷⁾ Ср. М. Н. Руткевиц, Практика — основа познания и критерий истины, Гос. изд, пол. лит. 1952, стр. 187,

М. Н. Руткевиц, Диалектический характер критерия практики, Вопросы философии, 1959, № 9, стр. 48,

Ю. Г. Гайдуков, К вопросу о критерии практики, Вопросы философии, 1959, № 6, стр. 105.

⁸⁾ Определенным недостатком всей имеющейся пока марксистской литературы по этому вопросу является то, что последние приведенные нами черты неопределенности (релятивного характера) практики как критерия истины в ней совсем не рассматриваются.

⁹⁾ Ср. П. В. Копнин, Эксперимент и его роль в познании, Вопросы философии, 1955., № 4; И. Якушевский, Научный эксперимент как форма практики, Ученые записки, т. XI, Ростовский-на-Дону Гос. Университет, Труды кафедры исторического и диалектического

Результаты краткого и параллельно с разбором изучаемого вопроса проводимого анализа всех концепций критерия истины в немарксистской философии, с которыми мы встречаемся с середины прошлого века до наших дней, доказывает, что вся немарксистская философия, что касается изучаемого вопроса, занимается в сущности побочными или лже-проблемами.

Ш. О СУЩНОСТИ И ХАРАКТЕРЕ ВЗАИМОСВЯЗИ МЕЖДУ АБСОЛЮТНЫМ И ОТНОСИТЕЛЬНЫМ В ИСТИНЕ

(К ВОПРОСУ ОБ АБСОЛЮТНОСТИ И ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ ИСТИНЫ)

Выражениями «относительное в истине» и «относительность истины» мы пользуемся, в сущности, в том же самом значении. Слова «относительная истина» имеют, с одной стороны, более широкое, с другой стороны, более узкое значение. Более широкое значение равно значению обоих предшествующих выражений, более узкое же значение представляет одну из двух составных частей понятия, обозначаемого нами тремя приведенными выражениями. Первой составной частью этого понятия является «относительный момент (моменты) истины». Вторую его составную часть представляет как раз «относительная истина в более узком значении», т. е. та или другая отдельная относительная истина, отдельная система таких истин или единичная (сингулярная) относительная истина. То же самое с определенными модификациями относится и к «абсолютному в истине» и к подобным выражениям.

Категорией «абсолютное» мы пользуемся в двух основных значениях (несмотря на то, что мы тем самым не исчерпываем все ее содержание): 1. абсолютное понимание абсолютного, т. е. абсолютное как независимое ни от чего и исключаящее любую относительность; 2. диалектическое понимание абсолютного, т. е. абсолютное как независимое только в одном или большем количестве направлений и содержащее в себе относительное.

В категории «относительное» мы также различаем два основных значения: 1. абсолютное понимание относительного, т. е. относительное как зависимое во всех взаимосвязях, в корне любое и декларативно исключаящее любое абсолютное в таком относительном; 2. диалектическое понимание относительного, т. е. относительное как зависимое в одном или большем коли-

материализма, Ереван, 1957, вып. I и От. Зих, O některých logických a metodologických stránkách experimentu — из книги Зих—Малек—Тондль, K metodologii experimentálních věd, NČSAV, 1959, рецензию Л. Тошеновского на эту книгу см. в Сборнике трудов философского факультета Брненского университета, серия G, № 4.

честве взаимосвязей и допускающее независимость в некоторых направлениях, и поэтому содержащее абсолютное в относительном.

1. Критика основных немарксистских концепций взаимосвязи абсолютного и относительного в познании

Есть две таких основных концепции: теоретико-познавательный релятивизм и теоретико-познавательный абсолютизм.

Наиболее известными сторонниками рационалистическо-идеалистического типа абсолютизма были Шеллинг и Гегель. Оба они, в сущности, доказывали наличие абсолютно рассматриваемой абсолютности познания на основании мнимого тождества мышления и бытия. А поскольку принцип полного тождества мышления и бытия несостоятелен, ибо наши понятия не суть сущность вещей, а отражение их сущности (так же как мышление является отражением первичной материальной действительности, хотя и оно в состоянии обратно воздействовать на нее), их аргументы построены на песке. Отражение никогда не может быть абсолютным в том смысле, что исключало бы любое относительное.

Мыслители-материалисты, последовательные или непоследовательные, ошибаются в случае, когда исходят из предпосылки, что наши познания могут без остатка совпадать с познаваемой нами материальной действительностью, что они могут быть истинами последней инстанции и т. п., потому что наши познания не могут не содержать в себе момента относительности. И так называемые вечные истины — главным образом в точных науках, а также в биологических науках, меньше всего в общественных науках — являются абсолютными, независимыми в одном направлении, а именно что касается их неопровержимости (при постоянной возможности уточнения), а в большинстве других направлений они обусловлены, относительны.

Теоретико-познавательный релятивизм, т. е. полная абсолютизация относительного познания, значит, односторонняя гиперболизация такого относительного, идет рука об руку с агностицизмом и очень часто выливается в скептицизм. В период революционного переворота в развитии физики в конце прошлого века и в начале нашего века многие философствующие физики исповедывали теоретико-познавательный релятивизм. (Ленин уделял этому вопросу большое внимание.) Это, в сущности, касается также Альберта Эйнштейна. Верно, конечно, что Эйнштейну не оставалось ничего другого, при его стремлении критически отнестись к теоретико-познавательным абсолютистским концепциям по отношению к истинам классической физики, так как он не знал материалистического диалектического понима-

ния взаимосвязей между абсолютным и относительным в истинном познании.

При этом бесспорно, что теорией относительности, особенно в период между первой и второй мировыми войнами, злоупотребляли в большой мере с целью усилить релятивистические тенденции в развитии буржуазной философской мысли. Этому способствовала тогдашняя общественная ситуация в буржуазном мире, но, прежде всего, теоретико-познавательные взгляды автора теории относительности, который в одно и то же время был великим физиком и небольшим философом, как о некоторых других философствующих физиках выражался Ленин.

Комбинация теоретико-познавательного абсолютизма и релятивизма имеет в философии очень древнюю традицию. В течение последних двух веков она имеет в сущности форму нового издания теории двух истин, приданную ей Гюмом и Кантом.¹⁰⁾

В Чехословакии был своеобразным представителем этой комбинации Ф. Мареш, философские взгляды которого недавно стали предметом марксистского анализа в одной успешной работе двух чешских философов.¹¹⁾

В домарксистской философии находим относительно невыразительные ростки диалектического понимания взаимосвязи между абсолютным и относительным в истине (у Аристотеля, некоторых французских мыслителей XVII в. и отчасти также у Гегеля). Это свидетельствует о том, что Энгельс, в самом деле, первым применил диалектику к материалистической гносеологии, особенно к вопросу об абсолютной и относительной истине.

2. О сущности взаимосвязи абсолютного и относительного в истинном познании

Для того чтобы охарактеризовать сущность этой взаимосвязи, мы должны, прежде всего, изучить качество обоих членов (сторон) этой взаимосвязи.

Анализ качества относительного в истинном познании предполагает разбор каждой из составных частей его значения (относительного момента истины и сингулярных относительных истин). То же самое, по сути дела, относится также к анализу абсолютного в истинном познании.

Относительный момент истины заключается в том, что объективная истина не является и никогда не может быть совсем тождественной с позна-

¹⁰⁾ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, 1957, стр. 627 и др.

¹¹⁾ Ср. Беранек — Прженосил, Neovitalistická theorie poznání F. Mareše, Sborník statí Otázky theorie poznání, SNPL, 1957, стр. 200—234. См. оценку этой работы в статье Л. Тошеновского Na cestě za pravdou v gnoseologii, Sborník prací FF BU, G-2, стр. 77—78, особенно жирным шрифтом напечатанный абзац на стр. 78.

ваемой материальной действительностью, что между действительностью и истиной о ней всегда есть разница, большая или меньшая. В процессе развития познания это различие постепенно исчезает, хотя никогда не исчезает полностью. Оно только непрерывно уменьшается, причем одновременно с развитием всех тех факторов, от которых истина зависит (одновременно с развитием объекта познания, способа производства, материальных нужд человека, физиологических и психических возможностей субъекта и нужд познать сущность познаваемого объекта, а именно сущность в каждом случае всегда определенного порядка).

Сингулярная относительная истина имеет с истиной вообще то общее, чем «истина» отличается от «не-истины», а именно направленность к объективной действительности, значит то, что она является вкладом во все более точное познание объективной действительности. Но она отличается от нее тем, что в сингулярной относительной истине еще преобладают моменты относительности над моментами абсолютного (подобно тому как в не-истине, в которой, однако, речь идет об обратном направлении движения нашего сознания, а именно о направлении к фантазиям, искаженным и деформированным отражениям действительности). Но, поскольку решающим является направление движения познания и то, что каждая сингулярная относительная истина способствует процессу углубления и уточнения нашего знания о мире, т. е. то, в чем она совпадает с истиной, то ее нельзя отнести к времени ее открытия к числу не-истин. «Не-истинами» в настоящее время являются представления об аде, о небе и о рае, но относительными истинами в свое время были не только гелиоцентрическая система, но также — несмотря на то что сегодня она кажется более выразительно относительной, даже уже не-истиной — геоцентрическая система.

Момент абсолютного в истине заключается в бесконечном продвижении нашего познания к материальной действительности, а именно в продвижении — через абсолютные моменты, зернышки в отдельных относительных истинах, и через самые эти относительные истины — к цели, никогда, правда, недостижимой без остатка, но к которой направлено каждое объективное серьезное познание, а именно к абсолютной истине, рассматриваемой как такая цель.

Под сингулярными абсолютными истинами мы понимаем уже нами упомянутые так называемые вечные истины. Они не имеют всегда формы только отдельного суждения. Иногда речь идет о целых комплексах этих суждений, о целых научных теориях и т. п. Если мы говорим, что теория марксизма-ленинизма такой истиной является, то это вовсе не значит, что никакие познания этой теории не будут в дальнейшем развитии превзойдены. Это значит только то, что самые существенные истины этой теории неопровер-

жимы, хотя и они все развиваются и в дальнейшем будут совершенствоваться.

Сущность взаимосвязи абсолютного и относительного в истине заключается в движении познания вперед, к цели, никогда недостижимой и все же частично достигаемой на каждой ступени развития познания в процессе от несовершенных познаний к познаниям все более совершенным, т. е. в процессе диалектически рассматриваемого отождествления познания с объективной реальностью. При этом основой и критерием этого процесса является практика.

Односторонняя гиперболизация или абсолютного, или относительного момента в истинном познании является в марксистской философии или проявлением гносеологическо-абсолютистских, или релятивистских тенденций. Первые имеют чаще всего форму недостаточно диалектического понимания абсолютного в истине, они рассматриваются застойно, как исключаящие относительное и т. п. Вторые же проявляются в подчеркивании относительности истинности при одновременном умалчивании об ее абсолютном характере (пишут, напр., об относительной и объективной истине, как будто объективность является контрарным понятием к относительности истины и т. п.¹²) Определенным недостатком нашего философского фронта является то, что критике этих тенденций и дискуссиям о них посвящается относительно мало внимания.

3. *О всестороннем диалектическом характере взаимосвязи момента абсолютного и относительного в истине*

Недостаточно только подчеркивать, что изучаемая взаимосвязь имеет диалектический характер. Необходимо указывать, как конкретно проявляются принципы и законы материалистической диалектики в развитии анализируемой взаимосвязи, и применять к ней (этой взаимосвязи) разные диалектико-материалистические категории.

IV. О КОНКРЕТНОСТИ ФИЛОСОФСКИХ ИСТИН (К ВОПРОСУ О КОНКРЕТНОСТИ ИСТИНЫ)

Есть три аспекта понятия «конкретное», которые являются, собственно говоря, тремя самостоятельными понятиями, а именно: 1. идейно-конкрет-

¹²) Ср. Ф. Штейнр, *Materiální pravda v občanském soudním řízení*, Orbis, Praha 1954, стр. 10—14.

Лад. Тондль, *Kausální analýza a kausální explikace, K metodologii experimentálních věd*, NČSAV, Praha, 1959, стр. 174—178, 218 и др. Игорь Грушевский, *Tri iniciatívy v dejinách filozofie*, SAV, Bratislava, 1959, стр. 89, 120 и некоторые другие работы.

ное, 2. чувственно-конкретное, 3. конкретное в материальной действительности.

1. О чувственно-конкретном в философских истинах

К существу конкретности философских истин относится факт, что в этих истинах содержатся не только идейно-конкретные, а также чувственно-конкретные моменты. Это одновременно значит, что усваивая новые философские истины, необходимо двигаться не только от абстрактного к конкретному, и также от конкретного к абстрактному.

В философских истинах и в истинах вообще мы различаем две стороны конкретности:

1. Их обусловленность обстоятельствами, местом и временем (в истории философии или вообще в истории познания это проявляется как историческая обусловленность познания);

2. диалектическая всесторонность наибольшей возможной меры и возможно большая полнота идейных определений (в истории философии или в истории познания вообще эта черта имеет форму идейного воспроизведения узловых пунктов познания).¹³⁾

Что касается первой стороны, то имеется в виду единичное и, следовательно, речь идет об эмпирическом аспекте конкретности (об ее эмпирической стороне). Что касается второй стороны, то речь идет об идейном воспроизведении конкретного из материальной действительности, или же о рациональном аспекте конкретности (об ее рациональной стороне). Обе эти стороны образуют в истине и тоже в философских истинах диалектическое единство.

2. Идеино-конкретный характер философских истин

Поскольку единство обеих сторон конкретности носит подлинно диалектический характер, то их роль на всех участках и на всех стадиях развития человеческого познания неодинакова.

Именно в философских истинах выразительно преобладает роль рациональной стороны над ролью эмпирической стороны. Это преобладание, однако, не должно и в философии вести при идейном воспроизведении конкретного из материальной действительности к «бессмысленной попытке включить в общее понятие (а не только в понятие категории, а в любое философское познание вообще; прим. Л. Т.) все особые черты единичных явлений». Из

¹³⁾ Ср. Владимир Румль, *K základním otázkám logického pozitivismu*, *Nová mysl*, 1958, № 5, стр. 427.

него, конечно, не вытекает даже право избегать »конфликта с крайним разнообразием явлений«. ¹⁴⁾

Возможно большую полноту разнородных определений необходимо также рассматривать как диалектическое единство этих определений, а не как определения, стоящие рядом друг с другом. Диалектический характер этого их единства заключается, прежде всего, в наличии упомянутого единства этой рациональной стороны конкретности и эмпирической стороны, с другой стороны, в еще большей мере — в отношении всего клубка этих определений к практике как к критерию истины и как к »определителю того, что необходимо человеку«. ¹⁵⁾

Само единство всех определений является результатом развития предмета, о котором высказывается та или другая философская истина. Диалектическое соединение отдельных определений является отражением объективного воздействия всех наиболее общих закономерностей развития конкретного в материальной действительности, его объективной диалектики, объективно существующих причинных связей и т. п.

3. Об основе конкретности философских истин

Основа конкретности философских истин заключается в своеобразной, обладающей многочисленными опосредствованиями связанности философских истин с общественной практикой.

Речь идет о целом комплексе отношений между общими философскими знаниями и отдельными конкретными вещами с их взаимосвязями, как с ними встречаемся в материальной действительности. Речь идет о комплексе отношений, который является содержанием всякой общественно-практической (производственной, революционно-политической и научно-экспериментальной) деятельности. Но не только об этом идет речь. Речь идет также о богатых опосредствованных взаимосвязях философских истин и производственных, революционно-политических и научно-исследовательских задач, включая и их выполнение.

ВИ. О КРИТИКЕ ПОНИМАНИЯ ИСТИНЫ ТОЛЬКО КАК КАЧЕСТВА СУЖДЕНИЯ (К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ИСТИНЫ)

В своей монографии о вопросах марксистской теории истины, опубликованной в начале 50-х годов нашего века, Адам Ш а ф ф утверждает, будто

¹⁴⁾ В. И. Ленин, Соч., Изд. 4-е, т. 5, стр. 130.

¹⁵⁾ В. И. Ленин, Соч., 4-е изд., т. 32, стр. 72.

истина является только качеством суждения; мы-де, будучи марксистскими философами, устанавливаем это, начиная с Аристотеля и всех величайших мыслителей истории философии.¹⁶⁾

1. О попытке обосновать критикуемую нами точку зрения авторитетом Аристотеля

Учитывая то обстоятельство, что концепция истины в философии Аристотеля очень сложна, можно определенно сказать то, что у Аристотеля находим некоторые аргументы в пользу понимания истины только как качества суждения, применимые исключительно в формальной логике. Основная концепция истины Аристотеля была материалистической, и поэтому марксистская теория истины не может отчасти не совпадать с пониманием истины Аристотелем. Но в марксистской гносеологии идет речь об истине, рассматриваемой существенно шире и глубже, и, главным образом, последовательно диалектически, так что любая попытка ссылаться марксистам на концепцию истины Аристотеля — несостоятельна.

2. О критике, требующей истинности для отдельных элементов познания

На основании анализа критики понимания истины только как качества суждения, проводимой в марксистской литературе в течение последнего десятилетия, и требующей истинности для разных элементов познания, можно довольно убедительно доказать, что ни для какого элемента чувственного и рационального познания (не для чувственного созерцания и понятийного мышления, если их рассматривать изолированно) нет достаточных оснований в марксистской гносеологии и в диалектико-материалистической логике отрицать истинность или ложность. Всякий же элемент необходимо рассматривать как форму, обладающую содержанием и диалектически связанную со всеми другими формами.

3. К отдельным попыткам защитить понимание истины только как качества суждения

Некоторые формальные логики и отдельные гносеологи, считающие себя марксистами, пытаются защищать критикуемое нами понимание истины и вне рамок формальной логики.

¹⁶⁾ Ср. Адам Шафф, *Z zagadnień marksistowskiej teorii prawdy*, Warszawa, 1951, стр. 12, 25.

Были также предприняты попытки объяснить, почему суждение занимает среди других элементов мышления особое, какое-то привилегированное положение. Ни из самой этой особенности, ни из приемлемого ее объяснения не вытекает, однако, никакой аргумент в пользу понимания истины только как качества суждения в гносеологии диалектического материализма и в материалистическо-диалектической логике.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Если основной стороной абсолютной истины является то, что истина постоянно приближается к объективной действительности, то легко понять, почему сущностью абсолютности истины является ее объективность. Значит, сущность объективности истины и сущность абсолютности истины заключается в чем-то близком. Дальше, если мы под конкретностью истины понимаем постижение объективной материальной действительности, учитывая ее живую единичность и необходимость стремиться к возможно большему количеству ее определений, то нельзя не видеть, что истина как истина объективная и абсолютная (абсолютная, и одновременно и относительная) должна включать конкретность в основу своей характеристики. При этом к этой основе принадлежит из того, что мы отражаем всегда вторым понятием из парных категорий «объективность — субъективность», «абсолютность — относительность» и «конкретность — абстрактность» только относительность. Это потому, что под относительностью истины мы понимаем постоянно уменьшающееся различие, которое все-таки всегда существует и будет существовать между процессом истинного познания материальной реальности, включительно и его результаты, и между познаваемой объективной действительностью. Следовательно, под относительностью мы понимаем то, что так же как объективность, абсолютность и конкретность является наиневобходимейшим качеством истины. В противоположность этому, субъективность и абстрактность являются в своей сущности характерными для движения «познания» по направлению к фантазиям, фантастическим деформациям познаний, несмотря на то, что субъективность и абстрактность в определенной мере также являются — но только второстепенными — чертами истины. Желая подчеркнуть именно это, мы иногда кратко и довольно афористически провозглашаем, что субъективная и абстрактная истина не существуют.

Перевела Л. Языкова.